

Квадратик

— У-у! — мычал Фёдор Селиванов, раскачиваясь на стуле и держась за щеку. — Ох, будь ты неладен.

Дойдя, что называется, до точки, Фёдор выбежал из дома и устремился к трассе, чтобы добраться до райцентра — к стоматологу.

Навстречу ему попал вразвалку крепыш Иван Пудов по прозвищу Квадратик. Хотя его с таким же успехом можно было бы обозвать и Кубиком — вот такая основательная и устойчивая комплекция была у человека.

Пудов работал у нас в деревне кузнецом (что это конкретно за деревня — уточнять, я думаю, не обязательно, таких в нашей стране — тысячи; скажу лишь, что она до сих стоит на славной казахско-российской реке Иртыш), лицо от постоянного соседства с огнём имел багровое, нравом обладал озорватым.

Надо также сказать, что мастером он слыл знатным. Оттягивать лемеха плугов, переключивать бороны, сваривать шины для тележных колёс для него было делом плёвым, рутинным.

Квадратик ещё умел выковывать — для души, как говаривал он, — всякие художественные штучки, управляясь при этом с раскалённым железом так, как будто это было и не железо вовсе, а пластилин.

Он мог выковать кленовый лист, розовый бутон, ещё чёрт знает что. Ну вот, например, у всех в деревне заборы были как заборы: из штакетника, чстокола, жердей. А Квадратик больше года мудрил чего-то в кузне и, к изумлению всей деревни, обнёс свой двор ажурной металлической изгородью, а в центре каждого пролёта укрепил выкованный из железа же вензель «ИП» — из начальных букв своего имени и фамилии, на манер экслибриса.

Квадратик неплохо умел варить и электросваркой, но не любил вида швов, поскольку считал их — поди ж ты! — неэстетичными, и когда хотел вложить в своё изделие душу, все стыки, перекрестия сваривал только кузнечным способом.

А для скрепления звеньев своего железного забора склепал хитроумную систему креплений и собрал его, как «конструктор». Но если бы кто-то хотел утащить хоть одно звено, фиг ли что у него бы получилось, потому что крепления эти, опять же, замыкались каким-то хитроумным способом.

Голова, одним словом! А заборные ворота и калитка у Квадратика вообще получились настоящим произведением искусства. Там и птички железные рвались в небо, и зверьки какие-то прыгали в стальных куцах.

Когда Квадратик собрал свой забор и покрасил его, вся деревня ходила любоваться, да и всех заезжих гостей водили сюда как на экскурсию.

Забор Квадратика показали даже по областному телевидению, и в передаче этой его назвали художником. Во как!

Ну вот, значит, идёт наш художник по деревне, а навстречу ему Фёдор Селиванов со своим больным зубом.

— Ты чего это скуксился, Селиван? — участливо спросил его Квадратик.

— Зубом маюсь, — простонал Фёдор. — В район вот надо.

— К зубнику, что ли? Так зря — вон Агафониха только что вернулась ни с чем. Нет его. В область зачем-то поехал.

Селиванов облегчённо вздохнул: встреча с врачом, внушающим ему страх даже издали, откладывалась.

Но проклятому зубу как будто только это и нужно было — он занял с удвоенной силой. Фёдор даже затряс головой от боли.

Квадратик сочувственно поцокал языком и предложил:

— Хочешь, я тебе помогу?

— А как? — рыдающе спросил Фёдор. — Выбьешь, что ли?

— Зачем? — обиделся кузнец. — Применю народное средство, даже не охнешь. Ну, пошли... Как куда? Ко мне в кузню...

Здесь надо сделать совсем небольшое отступление. Кузня эта раньше была колхозной, потом совхозной, а когда совхоз развалился, перешла в собственность Квадратика. Потому как никому была не нужна. Всё в совхозе растащили, а вот кузницу не тронули. Не было там ничего ценного, кроме нескольких куч ржавого металла.

Правда, когда началось поветрие повального сбора и сдачи металлолома (в райцентр разобрали и увезли всё, что было железным и похожим на железо), металлоискатели устремили свои взоры и в сторону кузни.

Но Квадратик успел сколотить рядом с кузней дощатый сарай, перетащил туда несколько тонн погнутых и ржавых уголков, прутков, труб и прочего, закрыл всё это богатство под замок и затем громогласно объявил, что если хоть одна сволочь сунется к его металлическому складу, он тому голову расплющит кувалдой. Вот так вот запросто — положит на наковальню и ахнет со всей дури.

А Квадратик силищей обладал неимоверной. Потому как начинал он молотобойцем, сразу после армии, ещё в семидесятые годы, и набил себе кувалдой такие мышцы, что куда там всяким Ван Даммам и этим, как их, Шварценегерам.

А художественной ковке он научился знаете у кого? В тот год у нашей деревни остановился цыганский табор. Эти цветистые, горластые поселения на колёсах появлялись в наших местах в те времена практически ежегодно.

Они разбивали свои шатры или за селом, или на лугах и активно приступали к своей национальной трудовой деятельности, как-то: женщины с детьми попрошайничали, гадали, незаметно таскали кур, которые при этом почему-то никогда не поднимали гвалт, что им полагается по определению, а покорно сидели в складках многочисленных юбок до решения их куриной судьбы.

Было в таборе и двое кудрявых смуглых кузнецов, сверкающих золотозубыми улыбками. Управляющий отделением тут же прикомандировал их к Квадратику, к тому времени оставшемуся в кузнице за главного (пожилой уже кузнец Пахомыч очень сильно заболел, его увезли сначала в районную, а потом в областную больницу, откуда он вернулся уже только на наше деревенское кладбище — рак).

И вот эти двое цыган, не без участия, конечно же, нашего Квадратика, перебрали и заново склепали для полеводческой бригады десятки борон, а попутно выковывали желяющим, за небольшую плату, топорики, остроги, цыганские ножи, а самое удивительное — железные розы, и даже с шипами на проволочных стеблях.

Квадратик дневал и ночевал рядом с цыганскими кузнецами, и они таки открыли ему, что называется, «секрет дамасской стали». И Квадратик — сам! — сначала выковал ромашку, потом — резной кленовый лист, ну а дальше — пошло-поехало.

Так благодаря цыганам наша деревня неожиданно заполучила человека, который управлялся с железом, как стряпуха на кухне с тестом. Даже сноровистее.

Да, о чём же это я? А, вот: долго ли, коротко шли наши друзья, но скоро оказались на месте. В прохладной, с закопчёнными до черноты стенами кузнице Квадратик усадил Фёдора на какой-то чурбак рядом с наковальней, бросил ему на колени моток суровой нитки и приказал:

— Обвяжи-ка больной зуб покрепче... Делай что говорят или вали отсюда!

Фёдор тягуче сплюнул и простонал:

— Коновал хренов. Так я и сам бы смог.

Но подчинился — выбора у него не было. Пока Фёдор, повизгивая и суча ногами, шарился у себя во рту, Квадратик раздул горнило мощными качками мехов и сунул в гудящее пламя обрезок трубы.

Фёдор с обречённым видом следил за приготовлениями кузнеца. Потом беспокойно завозился и спросил:

— Ты чего это, выжигать мне зуб собрался, что ли? А шнур этот — уж не бикфордов ли?

— Помолчи, — отмахнулся Квадратик. — Что я, садист-мазохист какой-нибудь? Я своё дело почти сделал. Теперь всё зависит от тебя... Закрывай глаза, говорят тебе!

Фёдор махнул рукой и крепко зажмурился. Квадратик проворно выбрал слабинку шнура и привязал конец к наковальне.

Затем выхватил щипцами из горнила раскалённый металл, издал нечеловеческий вопль и сунул белый, испускающий искры обрубок трубы под нос широко распахнувшему от ужаса глаза Селиванову.

Тот ошалело откинулся назад:

— Ты чего это, паразит? Да я тебя сейчас...

И пошёл, набычившись, на кузнечку.

— Не слышу «спасибо», — ласково сказал Квадратик, отбрасывая лязгнувшие щипцы.

— Что-о?! — оторопел от такой наглости Селиванов.

И вдруг остановился, осторожно потрогал щёку, повозил за ней языком.

— Хь, а зуба-то нет! И не болит. Когда это ты успел?

— Я-то тут при чём? Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Квадратик поднял с пола шнур. На конце его сиротливо покачивался зуб с чёрной дыркой.

— Так выходит, что это его всё-таки я сам выдернул? — изумился Селиванов. — Ну, Ванюша, и хитёр же ты.

— Народное средство! — внушительно сказал Иван Пудов по прозвищу Квадратик. — На, держи на память. Хотя постой, не прячь его пока, а поддержи вот так на весу.

И Квадратик, повозившись в кучке железа, выбрал из неё какую-то большущую гайку, зажал в клещах и сунул в горнило.

Через пару минут он аккуратно положил на наковальню раскалённый до белизны кусок металла и, время от времени бросая беглый взгляд на раскачивающийся на шнурке селивановский зуб, затюкал молоточком.

Ещё пять минут — и он сунул уже не белое, а тускло-красное и начинающее покрываться серой окалиной изделие в лоханку с водой, которая тут же забулькала, запарила.

Потом Квадратик извлёк из лоханки выкованную им штуковину, обтёр тряпочкой и протянул Селиванову:

— На вот. Хочешь — на шею носи, хочешь — на стенку повеси.

— Ё-моё! — пробормотал Селиванов, вглядываясь в сизую железную штуковину. — Так это же мой зуб! Только раз в десять больше, и даже дупло в нём проделал! Ну ты, Квадратик, и мастер!

— Как учили, — весело ответил Квадратик, вытирая руки о фартук. — Ну, водка-то у тебя дома есть? Пошли, надо бы тебе продезинфицироваться, да и мне стресс снять не мешает...

И они дружно затопали по деревенской улице к дому Селиванова, весьма довольные друг другом и оживлённо болтая на ходу.

Это только одна пришедшая мне на ум проделка Квадратика, на которые он был так же изобретателем, как и при работе со своими железками.

А вот теперь нет уже и нашего Квадратика. Умер у себя в кузне в одно мгновение — как раз кому-то чего-то выковывал, в очередной раз занёс над наковальней молоток, как бы задумался на секунду и рухнул на земляной пол. Сердце.

Могилка Квадратика обнесена маленькой копией его знаменитого ажурного забора. Оказывается, он сам загодя её заготовил и жену предупредил: мол, смотри, Мария, если что — то вот там, в сараюшке, стоит разобранная оградка, за что, конечно, тут же схлопотал от неё.

Нет Квадратика. Но люди его будут помнить ещё долго. Почти в каждом дворе деревни есть его работа: кому ухват выковал, кочергу, скребок для чистки обуви от уличной грязи, кому — лопнувший обушок топора заварил.

У самых уважаемых Квадратиком людей хранятся выкованные им цветы, листочки всякие, птички-зверушки. Всё как настоящее. Только железное. А значит — вечное...

Борода

— Ну ладно, мужики, я пошёл, а то жена уже, наверное, по... потеряла меня!

Андрей Потапов с трудом встал с продавленного кресла. Кресло это, а также ещё старый диван, притулившийся к плохо оштукатуренной стенке с рядами самодельных полок, заваленных всяческими запчастями, инструментами и ещё каким-то железным хламом, находились в просторном тёплом гараже соседа и приятеля Андрея, Серёги Шелудько.

— Да ну ты чё, Андрюха! Посиди ещё, вон водки у нас сколько! Ты чё?

Серёга приподнял со стола семисотграммовую бутылку водки, не опорожнённую ещё и наполовину, поболтал ею в воздухе. Водка ласково булькнула за толстым прозрачным стеклом. Ещё одна такая, только пустая, бутылка валялась под низеньким колченогим столом и время от времени с тихим звоном перекатывалась по деревянному полу, когда её задевали ногами.

Сам Сергей сидел на диване, радом примостился ещё один мужик — коллега Серёги по работе в автомастерской с редким ныне именем Никодим. Мужики были уже крепко пьяны, но, похоже, расходиться по домам не собирались, так как праздновали получение зарплаты.

Андрей Потапов свою получку, вернее, остатки её, отдал своей жене ещё несколько дней назад.

В гараж этот Андрей попал не затем, чтобы напиться, — Шелудько уже давно обещал ему пригласить с работы пару флаконов уайт-спирита, которого в их мастерской было, по словам Серёги, «хоть залейся». А этот уайт-спирит, в свою очередь, Андрей обещал тестю, жившему в деревне Опухлинка, за тридцать километров от областного центра. Тестю же он нужен был как растворитель — он собирался не то что-то красить, не то, наоборот, смывать краску.

По словам тестя, в их единственном опухлинском магазине этого уайт-спирита отродясь не было, вот он и попросил зятя в недавнем телефонном разговоре достать его в городе. А когда Андрей, в свою очередь, обмолвился Серёге о просьбе тестя и пожаловался, что никак не может выбрать времени, чтобы сходить в какой-нибудь хозяйственный магазин и купить, наконец, этот вонючий уайт-спирит и отвезти при случае в Опухлинку, Серёга и сказал, что не надо никуда ходить и тратиться: он пригласит пару флаконов с работы.

И вот сегодня вечером он позвонил Андрею из своего гаража и попросил его прийти и забрать уайт-спирит (мы не случайно столько внимания уделяем этому растворителю, так как ему предстоит сыграть в нашем рассказе немаловажную роль). Андрей заикнулся было, чтобы сосед приволок флаконы к себе домой, а он потом зайдёт и заберёт. Но Серёга и слышать не хотел.

— Приходи в гараж, и всё тут! — орал он в трубку — и менее громко, на тот случай, если жена Андрея рядом: — У нас тут есть!

Гаражный массив был всего в паре сотен метров от хрущёвки, в которой проживали друзья, и Андрей, несмотря на недовольство жены, решил таки сам сходить и забрать у Серёги уайт-спирит. Ну и заодно составить ненадолго компанию Серёге. Хотел посидеть с часок, а вышло — четыре часа проторчал с мужиками в этом прокуренном насквозь гараже! И когда собрался, наконец, уйти домой и включил отрубленный, чтобы жена не доставала, мобильник — увидел с десяток пропущенных от неё звонков. Ага, Верка таки потеряла его и злится! И, как бы в подтверждение этой глубокой мысли, телефон тут же задилинькал.

— Ну? — буркнул в трубку Андрей.

— Ты где шляешься? — закричала жена. — Звоню тебе, звоню... Зачем телефон отключил?

— Затем, — неопределённо сказал Андрей. — И... иду уже, иду, не ори только!

С женой у него обычно разговор был короткий: чуть бы того — посылал её куда подальше. И шла обиженно, и возвращалась снова. Любила она его, что ли? А вот Андрей не мог сказать, любил ли он свою жену, с которой прожил вот уже... вот уже тринадцать лет и которая родила ему дочь Тайку. Он и женился-то по «залёту» Веры, и долго считал себя обманутым, «подловленным», что и накладывало печать неприязни на отношения с женой.

А вот дочку свою, Тайку, тютелька в тютельку «срисованную» с него, он точно любил, хотя так завуалировано, что Тайка порой не могла понять, есть ли у неё отец или это какой-то грубый чужой мужик живёт с ними совершенно по непонятной причине. — Ну так иди давай, — раздражённо сказала уже потише Вера. — Тут с дочкой такое случилось, а он шляется непонятно где...

— Да чего там с ней могло случиться-то?

Андрей хоть и был пьян, но насторожился.

— Придёшь — расскажу, — всё ещё сердито пробурчала жена. — Так ты идёшь?

— Иду уж, иду, — отмахнулся Андрей и захлопнул трубку.

Главное, что он уяснил для себя, — ничего особенного с Тайкой не произошло, какие-нибудь школьные неприятности, не более того, иначе бы Верка тут же сообщила ему. Но идти всё равно пора, хватит уже глотать водку. Завтра же заступать на сутки (Андрей работал охранником на автостоянке).

— Ну, тогда на посошок, — согласился с его уходом Серёга, разливая водку. — А мы с Никодимом посидим, у нас тут ещё есть. Да, Никодим?

Сосед его уже клевал носом, но при последних словах Сергея проснулся и потянулся за своей стопкой. Андрей проглотил водку, зажевал куском колбасы и, пожав руки остающимся мужикам, стал боком протискиваться мимо Серёгиной «тойоты». — Андрюха, а чё, уайт-спирит не заберёшь?

Андрей чертыхнулся и вернулся к столу. Сергей уже выставил на него две светлых пластиковых бутылки с веселенькими наклейками и тёмными колпачками крышек. Андрей поочередно затолкал их в карманы куртки.

— Может, ещё по стопочке, а? — предложил Серёга. — Не, не, братуха, мне х-хватит! — энергично затряс головой в вязаной шапочке Андрей. — Завтра ж н-на работу. Ну, спасибо тебе! Если что, тоже об... обращайся!

Он ещё раз пожал руку Сергею и пошёл к выходу.

На улице уже стояла морозная туманная ночь, сквозь которую с трудом пробивался жёлтый свет уличных фонарей. Снег бодро поскрипывал под сапогами, редкие прохожие прятали носы в шарфы или прикрывали их перчатками.

Местные синоптики не обманули — ещё утром по телевизору они обещали резкое похолодание,

хотя и без того было под тридцать. А сейчас, похоже, ломануто все сорок.

Андрей быстро дошёл до своей панельной пятиэтажки. Взвизгнула открываемая им подъездная дверь без домофона — жильцам подъезда всё ещё никак не удалось прийти к единому мнению, надо ли скинуться на это современное средство защиты от несанкционированного проникновения посторонних.

Одни считали, что надо, другие — что пусть платят те, кто боится грабителей, а этим, другим, бояться нечего, у них всё равно грабить нечего. Эти «другие», в основном пенсионеры, составляли чуть ли не большинство, и потому подъезд их до сих пор оставался доступным для всех. Что интересно, такая же ситуация была и в трёх других подъездах этой разваливающейся панельки шестидесятых годов постройки по улице Энтузиастов.

И ведь правда — не было ещё случаев ограбления ни одной из квартир их дома. Во всяком случае, последние лет десять. Произойди обратное, может, тогда дело и сдвинулось бы с мёртвой точки. Грабить-то их дом не грабили, но подъезды со свободным доступом облюбовали алкаши и наркоманы, а в последние несколько лет зимой в них гостили бомжи.

Опять же, большинство жильцов терпимо и философски относились к их присутствию: дескать, от тюрьмы да от сумы не зарекайся, — что надо было понимать так: сегодня ты благополучен, но кто знает, что завтра с тобой может произойти, поскольку в нашей стране, где люди всегда были расходным материалом, всякое может случиться, поэтому и надо быть терпимыми к терпящим бедствие.

Но Андрей себя к этому большинству не отнесил, бомжей ненавидел и нещадно гонял их из своего подъезда. Позавчера он буквально на пинках вынес не старого ещё бродягу по кличке Борода. Про него было известно, что не так давно был нормальным человеком, но потом у него умерла жена, детей же у них почему-то не было, и Борода пустился во все тяжкие.

Пропил все сбережения, всю обстановку в доме, а потом какие-то ушлые ребята отжали у него и квартиру-«двушку» в кирпично-монолитной девятиэтажке, которая стояла на этой же улице Энтузиастов, но только через два дома.

Так Борода оказался на улице, стал грязным, вонючим, заросшим — пегая бородача у него вымахала с лопату, вот отсюда и кличка образовалась. В свой дом он ночевать не ходил: во-первых, подъезд его был оснащён домофоном; во-вторых, Борода, похоже, ещё не совсем опустил и боялся, что его узнает кто-нибудь из соседей. Вот он и ошивался поблизости, выбрав для «перекантовки» от морозов эту панельку. Выгонят из одного подъезда — можно прилечь во втором, третьем...

Как только Андрей вошёл в подъезд, в нос ему с мороза сразу шибануло кислым и едким запахом. Так вонял только Борода. Ага, значит, из тех подъездов его шуганули жильцы или раньше него приземлившиеся на ночёвку другие бомжи — постоянной «прописки» у них тут не было, поскольку и в других подъездах находились жёсткие мужики типа Андрея Потапова.

Борода ещё не спал, а сидел под лестницей на какой-то картонке, прижавшись спиной к батарее, и даже в подъездном полумраке Андрей разглядел на его лице страх.

«Ага, падал, боишься! — злорадно отметил про себя Андрей. — Боишься, а всё равно сюда ходишь, заразу распространяешь! Блин, как же тебя отвадить раз и навсегда?»

— Я тебе говорил не ходить сюда? — зло спросил Андрей, не сводя глаз с пытающегося встать с картонки бомжа. — Говорил?

— Я щас, щас, — лепетал Борода, упираясь грязными, почти чёрными руками в бетонный пол и вставая на карачки.

Глухо зазвенела какая-то посуда, отодвинутая ногой бомжа в порванном дутыше, — Андрей отстранённо отметил про себя, что такая же небольшая кастрюлька, с нелепыми алыми розочками по синеватой эмали, есть и у них на кухне, Верка в ней обычно варит яйца.

— Щас я уйду...

— Конечно, уйдёшь, — процедил Андрей, соображая на предмет, как бы в этот раз окончательно и навсегда отвадить Бороду от их подъезда, от их дома и двора.

Тут старики живут беспомощные, тут дети гуляют во дворе, да его же дочка Тая возвращается, бывает, поздно из музыкалки. А мало ли чего гнездится в пропитых и отравленных мозгах этих бездомных, подзаборных тварей? Вон этим летом в канализационном колодце, совсем недалеко от их дома, обнаружили истерзанный труп девочки-подростка. Правда, кто это сделал, пока не нашли. Да кто ж ещё, кроме этих вонючих скотов, потерявших человеческий облик и живущих, как крысы, в разных норах?

Андрей задел рукой оттопыренный карман куртки. И его внезапно осенило: вот чем он навсегда отпугнёт Бороду от своего подъезда. А Борода всё никак не мог выпрямиться: кряхтел, стонал, бормотал чего-то, — радикулит, наверное, мучил бедолагу.

Андрей, не сводя ненавидящих глаз с бомжа, вытащил бутылку из кармана, с усилием отвернул пробку, подошёл к Бородае вплотную и стал поливать уайт-спиритом его спину, обтянутую рваной и лоснящейся от грязи болоньевой курткой. Жидкость, пахнувшая керосином, стекала у того со спины на рукава, на бесформенные штаны и даже, кажется, на сивую лопатообразную бороду, которая сейчас упиралась чуть ли не в бетонный пол.

— Ты что делаешь, а? Зачем? — испуганно забормотал Борода, повернув к Андрею своё заросшее по самые брови лицо. — Что ты, что ты? Не надо! Я щас встану и уйду. Не надо!

Но, охваченный праведным, как он считал, гневом, Андрей уже не слушал его. Он попятился от Бороды, одновременно нахлопывая в карманах спички. Найдя их, он чиркнул одной спичкой. И когда она вспыхнула маленьким факелом, швырнул её на пропитанную уайт-спиритом куртку бомжа. Куртка тут же занялась желтоватым пламенем, и языки его быстро расплозились по всей спине, по рукавам, по штанам, загорелась даже борода. — А-а-а! — хрипло закричал бомж, приняв, наконец, вертикальное положение. — Горю! Горю!

И, беспорядочно колотя ладошками по трещавшей от огня бороде, весь охваченный пламенем, он как-то враскачку и согнувшись побежал к выходу, чуть не задев горящим рукавом прижавшегося к стене Андрея.

Хлопнула дверь, и вопли горящего Бороды стали слышаться тише. Андрей наконец испугался того, что сотворил, и торопливо стал подниматься по лестнице к себе на четвёртый этаж.

На втором этаже приоткрылась дверь одной из квартир, из неё наполовину высунулась встревоженная тётка — кажется, Настасья или Наталья Петровна, завсегдатай лавочных посиделок у подъезда.

— Что там такое? Что за крики?

— Не знаю, — отрывисто сказал Потапов, продолжая в том же темпе подниматься выше.

В дверях своей квартиры он столкнулся с женой. Вера, в тапочках, в накинутом на плечи тёплом платке, держала в руках старенький плед.

— Куда это ты собралась на ночь глядя? — отдуваясь, с подозрением спросил Андрей.

— О, жена. — не заплылся, — неприязненно сказала жена. — Вниз иду, хочу этому... как его... Бороде плед старый подарить. Холодно же. А чем это от тебя воняет?

— За какие такие заслуги? — задохнулся от возмущения Андрей, пропуская вопрос мимо ушей. — Чего это ты так его жалеешь, а?

— А то и жалею. Пока ты где-то водку свою лакал, он сегодня доченьку нашу, можно сказать, спас. Если не от смерти, то от насилия! — с расстановкой произнесла Вера. — Ну-ка пропусти! Схожу к нему, вернусь, тогда всё и расскажу.

— Не ходи, его там нет, — загордил ей выход Андрей. — Картонка евоная лежит, кастрюлька твоя стоит (теперь Андрей не сомневался: посуда была из их дома. Значит, эта дура ещё и покормила этого вонючего бомжа!). Ну, чего тут случилось? Рассказывай... Блин, и на минуту вас оставить нельзя, обязательно куда-нибудь вляпаетесь...

И Вера рассказала. Всего пару часов назад Тайка, как обычно, возвращалась из музыкальной школы.

По дороге ей показалось, что за ней увязался какой-то дядька. Тайка прибавила шагу, и дядька тот вроде отстал. Он настиг её на третьем этаже. Зажал рот ладонью и потащил наверх, на пятый этаж.

Неизвестно, что он дальше намеревался сделать с их двенадцатилетней дочерью: или затащить её лёгонькое тельце на чердак, или изнасиловать на последней лестничной площадке, а потом задушить. Понятно лишь, что ничего хорошего Таечку не ожидало.

Её спас Борода. Греясь внизу у батареи, он увидел, как за девчонкой на цыпочках поскакал какой-то рослый парень, затем услышал её писк и, не медля ни минуты, пошаркал своими рваными дутышами туда, наверх. Он ничего такого не сделал. Он просто негромко сказал:

— Слышь, ты, оставь её, а то сейчас начну во все двери подряд стучать...

И насильник испугался, опустил полуобморочную Таечку на ступени и так же, на цыпочках, как и прокрался, побежал вниз. Борода помог девочке прийти в себя, довёл её до квартиры, а сам спустился обратно к батарее.

— Вот за это я его и покормила, и плед сейчас хотела отнести,— всхлипывая, закончила свой рассказ Вера.— Так куда же он мог уйти на ночь-то глядя? Может, ты его опять выгнал, а?

— Нет его там,— упрямо повторил Андрей и заторможено стал раздеваться.

Это что же получается? Этот недочеловек, это бомж вонючий спас его дочь, его кровинушку, а он его уайт-спиритом полил—и спичкой?..

Андрей скрипнул зубами и потряс головой. Надо было бы выйти во двор, посмотреть, что там с Бородой. Но было уже поздно: во время рассказа жены он слышал через всегда открытую кухонную форточку—там они обычно оба курили, и он, и Вера,—как со двора почти одновременно прозвучали сирена скорой помощи и вой милицейской машины.

Андрей прошёл в детскую—Тая уже спала, тихонько поскуливая во сне, как маленькая обиженная собачонка,—и осторожно поцеловал её в голову.

Когда им в дверь резко и нетерпеливо позвонили, Андрей сам пошёл открывать её и безропотно протянул руки для наручников...